

Н.Н. Заболоцкий¹

Жизнеописание
Тюрьма и лагеря
1938–1944
(с сокращениями)

В Доме творчества Заболоцкий неожиданно получил официальную телеграмму от секретаря парторганизации Ленинградского отделения Союза писателей Г. Мирошниченко, который просил прийти к нему по срочному делу 19 марта в 11 часов. Работа над переводом «Слова о полку Игореве» и над поэмой «Осада Козельска» была в самом разгаре, но, как ни досадно было ее прерывать даже и на один день, нужно было ехать в город. Николай Алексеевич решил, что нет худа без добра: он сможет повидать семью и прочитает уже написанные части перевода жене и Гитовичу. Ему важно было проверить на слушателях, как воспринимается древнерусская поэма, переложённая современным стихом.

В Союзе писателей его ожидали два сотрудника НКВД, которые сказали, что им нужно переговорить с ним в его квартире. На машине его привезли на канал Грибоедова и здесь предъявили ордер на арест... Прервалась нормальная человеческая жизнь, наступило страшное время физических и душевных страданий, мучительное отлучение от любимого дела, от семьи и друзей.

В присутствии понятого — дремавшего на стуле дворника Епишкина — произвели обыск. Николай Алексеевич и его жена Екатерина Васильевна неподвижно сидели на кушетке, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели, как следователь Н. Лупандин обыскивал письменный стол, просматривал лежавшие на нем бумаги и все найденные рукописи клал в чемодан. Помощник следователя Меркурьев проверял примерно две тысячи томов библиотеки, с привычной ловкостью пролистывая перевернутые книги над полом и подбирая изредка вылетающие бумажки. Закончив обыск письменного стола, Лупандин велел Екатерине Васильевне сопровождать его по квартире. Он осмотрел ящик для обуви, грязное белье в ванной, шкаф с одеждой. На антресолях нашел папку со старой дипломной работой Екатерины Васильевны о творчестве Чехова, просматривать ее не стал, а в ней лежали кое-какие старые письма и рукописи Заболоцкого.

В протоколе записали, что при обыске были забраны книги: «К<онстантин> Р<оманов> — «Царь Иудейский», Библия, 2 экземпляра сборника материалов к X-летию империалистической войны», а также рукописи литературных произведений, грузинский кинжал, разная переписка и фотографии.

Потом муж и жена снова сидели на кушетке, и Николай Алексеевич гладил руки Екатерины Васильевны и говорил ей ласковые слова утешения, а она все думала о страшной «улике», которая лежала под ними в ящике кушетки, и молила Бога, чтобы следователи не нашли ее. Обыск был не очень тщательным — в кушетку следователи не заглянули. А там вместе с другими книгами и бумагами, которые некуда было деть в тесной квартире, лежала переплетённая в 1936 году машинописная книга стихов Заболоцкого с вложенной в нее запиской Бухарина.

Все знали, что в московском Доме союзов только что закончился судебный процесс по делу «правотроцкистского блока» и его главные обвиняемые — Бухарин, Рыков и их товарищи четыре дня назад в ночь на 15 марта 1938 были расстреляны. Имя Бухарина

¹ Никита Николаевич Заболоцкий, сын поэта.

связывали с самыми невероятными преступлениями, поток репрессий сметал подлинных и мнимых его сторонников. В этих условиях даже намек на личную связь с Бухариным мог стоить не только свободы, но и жизни. Кто знает, как следователи повернули бы дело Заболоцкого, окажись в их руках записка главы «правотроцкистского блока». Понимая опасность этого документа, Екатерина Васильевна потом уничтожила его, и долгое время о нем почти никто не знал.

Сразу же после ареста мужа Екатерина Васильевна стала приводить в порядок все его рукописи, не забранные при обыске. В квартире их осталось немного, в основном те, что лежали в кушетке и на антресолях. Но рукописи неоконченных поэм и, возможно, стихотворений оставались еще в Елизаветине. Были ли там сотрудники НКВД, никто не знал. А. Гитович, который прекрасно понимал ценность всех бумаг, связанных с работой Заболоцкого, рано утром, чтобы опередить возможный визит следователей, отправился в Дом творчества и вывез оттуда все оставшиеся там рукописи. В их числе были набело переписанные вступление и первая часть «Слова о полку Игореве» и две части «Осады Козельска».

Когда Заболоцкого доставили в Дом предварительного заключения, соединенный с известным зданием НКВД на Литейном проспекте, он сразу же столкнулся с действительностью, которая оказалась куда страшнее самых невероятных слухов об этом учреждении. В своих воспоминаниях «История моего заключения» он рассказал о том, что ему пришлось пережить после ареста, — о допросе, который продолжался четверо суток без перерыва, об избиениях и оскорблениях, о тюремной психиатрической больнице, где он провел около двух недель, о страшной жизни в камерах, об этапе на Дальний Восток. Источниками наших знаний о дальнейших злоключениях Заболоцкого являются его письма 1938–1944, его очень скудные рассказы о тюрьме и лагерях, свидетельства людей, соприкасавшихся с ним в те годы, немногие сохранившиеся документы, а также материалы следственного дела Заболоцкого.

Какие же преступления ставились в вину поэту и за что он был осужден? Дело Заболоцкого было косвенно связано с разгромом «правой» бухаринской оппозиции и с общей установкой найти конкретные доказательства смычки этой оппозиции с якобы действующими в стране троцкистами-вредителями. Решили имитировать разоблачение такой троцкистско-бухаринской группы и среди ленинградских писателей. По замыслу НКВД эти контрреволюционно настроенные писатели должны были получать указания из парижского троцкистского центра через посредство жены часто выезжавшего за рубеж И.Г. Эренбурга. Именно через нее будто бы поступила директива антисоветски настроенным писателям примкнуть к преступной группе, возглавляемой поэтом Н.С. Тихоновым. Как полагали чекисты, на такой основе мог получиться неплохой сценарий крупного и многообещающего процесса. Для развития этой версии нужно было любыми путями добиться соответствующих показаний «членов» группы. С этой целью приступили к следственной обработке арестованного в конце 1937 писателя Б. Лившица с применением пыток. В то время «физические воздействия» при допросах разрешались вполне официально и широко применялись в следственной практике. После конвейерных допросов и избиений Лившиц, видимо уже плохо понимая смысл происходящего, подписал требуемые показания.

В протоколе его допроса, в частности, говорится:

«Конкретно Эренбург указала на необходимость блока с существующей среди ленинградских писателей группой правых, возглавляемой председателем ленинградского ССП — Николаем Тихоновым. <...> Под прикрытием Тихонова Ахматова долго протаскивала переиздания своих реакционных стихов. Мандельштам переиздавал в Гослитиздате сборник своих антисоветских произведений. При допустительстве Тихонова в Лен. Издательстве писателей один за другим выходили порочные, клеветавшие на советскую действительность романы Вагинова, поэтическое наследие которого Тихонов на могиле Вагинова объявил бессмертным.

В стихотворном отделе “Звезды”, редактируемом непосредственно Тихоновым, появилась издавательская поэма Заболоцкого — “Торжество Земледелия”, поднятая на шит, невзирая на свою явную контр-

революционность Эйхенбаумом и Н. Степановым. Вообще вся одиозная контрреволюционная фигура Заболоцкого долгое время держалась на признании его Тихоновым.

Эти факты, а их можно было привести еще множество, достаточно ясно указывают на контрреволюционную сущность Тихонова.

<...>

Тихонов, в свою очередь, информировал меня (Лившица), что им также создана группа, и из ее участников назвал мне поэтов Заболоцкого, Корнилова, Дагаева, А. Ахматову и указал на свою близкую связь с формалистами Эйхенбаумом и Степановым. Далее он мне указал, что связан с контрреволюционными националистическими организациями, существующими среди грузинских писателей».

В конце следствия несчастный Бенедикт Константинович Лившиц совсем уже безрассудно подписал завершающее протокол «признание» в том, что призывал к террору. Вскоре он был расстрелян.

Заболоцкого арестовали через два месяца после допроса Лившица и сразу же приступили к его следственной обработке, продолжавшейся с 19 по 23 марта без перерыва. Однако в его деле только одна страничка протокола отражает допрос тех дней. Все обвинения в преступной антисоветской деятельности подсудимый решительно и неоднократно отвергал. Из позднейших свидетельств самого Николая Алексеевича известно, что его спрашивали о писателях, с которыми он был знаком или связан литературными делами, но его ответы были настолько лаконичны и неинтересны, что их даже не заносили в протокол, надеясь, что его все-таки удастся сломить. Но избиение и пытки, голод и бессонница привели лишь к тому, что Заболоцкого пришлось отправить в психиатрическую больницу.

По тому же делу и теми же методами допрашивали арестованную почти одновременно с Николаем Алексеевичем писательницу Е.М. Тагер. Ее «дополнительный» допрос проводился 11 июня 1938 все тем же следователем Лупандиным, которого особенно интересовали «троцкист» Б. Лившиц, Н. Тихонов, Н.К. Чуковский. В протоколе упоминаются и многие другие писатели, и среди них Заболоцкий. Недаром протоколы допросов Лившица и Тагер были приобщены к следственным документам Заболоцкого. «Показания» Тагер подтверждали причастность Николая Алексеевича к контрреволюционной группе, якобы руководимой Тихоновым.

В своих воспоминаниях Заболоцкий пишет:

«После возвращения из больницы меня оставили в покое и долгое время к следователю не вызывали. Когда же допросы возобновились, — а их было еще несколько, — никто меня больше не бил, дело ограничивалось обычными угрозами и бранью. Я стоял на своем, следствие топталось на месте».

В деле Заболоцкого имеется только один протокол его допроса после возвращения из больницы — от 22 июня 1938. Желая уличить подследственного, Лупандин ссылался теперь на «свидетельские показания» Е. Тагер и Б. Лившица. Выдержки из протоколов их допросов он зачитывал Заболоцкому, но Николай Алексеевич не хотел верить в их подлинность. Собственными глазами он их не видел, очной ставки с Лившицем и Тагер получить не мог. Судя по всему, следователь был хорошо осведомлен и о круге знакомств Заболоцкого, и об изобилующих политическими выпадами критических статьях, посвященных его творчеству. Не очень грамотного и сведущего в литературных делах младшего лейтенанта Лупандина консультировал бывший рапповец Н. Лесючевский. Очень возможно, что он помогал составлять и протоколы допросов арестованных.

На последнем своем допросе Заболоцкий по-прежнему категорически отвергал все предъявляемые обвинения. В тот же день ему объявили об окончании следствия.

К тому времени по каким-то неизвестным нам причинам в НКВД потеряли активный интерес к дальнейшему раскручиванию так широко задуманного процесса. Главное его действующее лицо — Н. Тихонов — арестован не был. То ли следователю не хватило «свидетельских показаний», то ли не было получено санкции начальства, которая необходима была для ареста столь крупной фигуры, какой уже в то время был Тихонов. А без Тихонова рассыпалась вся версия о якобы группировавшихся вокруг него антисоветски настроенных писателях.

Однако, чтобы закрыть дело Заболоцкого, не хватало «авторитетного» заключения о контрреволюционной сущности его творчества. В очередной раз обратились к консультанту НКВД Лесючевскому: он-то без всяких «физических воздействий» легко справлялся с подобными заданиями своих хозяев. Так, в мае 1937 он написал пространную рецензию-донос «О стихах Б. Корнилова», в которой сделал нужным следователям вывод об антисоветском, контрреволюционном, кулацком характере творчества поэта. В результате Борис Корнилов трагически погиб в сталинских застенках. Теперь подобный донос требовалось написать на Заболоцкого.

Получив задание, Лесючевский недолго думал. Опыт у него был, к тому же богатый материал для доноса можно было почерпнуть из прежних критических статей о творчестве Заболоцкого. Под стандартным названием «О стихах Н. Заболоцкого» он написал потрясающий своей лживостью и цинизмом документ, как нельзя лучше характеризующий нравы той мрачной эпохи. Следует обратить внимание на дату доноса — 3 июля 1938. Значит, написан он был через три с половиной месяца после ареста Заболоцкого, уже после того как захлебнулось создаваемое следователями «дело о контрреволюционной писательской организации».

В обвинительном заключении по делу Заболоцкого от 31 июля 1938 были фразы: «входил в состав антисоветской троцкистско-правой организации», «осуществлял ее связь с грузинскими буржуазными националистами», «являлся автором антисоветских произведений», «виновным себя не признал, но полностью изобличается показаниями Лившица и Тагер». Этого было достаточно, чтобы 2 сентября 1938 постановлением Особого совещания, то есть без суда, Заболоцкий был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей «за контрреволюционную троцкистскую деятельность», а еще через два месяца отправлен этапом на Дальний Восток.

В конце октября в специальном помещении пересыльной тюрьмы «Кресты» произошло свидание Николая Алексеевича с женой. Она передала ему необходимые вещи и сообщила, что ее с детьми высылают из города. Место ссылки в дозволенных пределах можно было выбирать, и Екатерина Васильевна выбрала Уржум, о котором она многое знала от мужа и который поэтому не был для нее совсем чужим местом. Через двойную решетку муж и жена Заболоцкие снова простились друг с другом, не зная, суждено ли им еще когда-нибудь увидеться вновь.

Сразу после ареста Заболоцкого его жена и друзья стали думать, как ему помочь. Что-либо сделать для облегчения его участи можно было только после завершения следствия и объявления приговора, но что и как — никто толком не знал. Неизвестно было, в чем его обвиняют, не было суда, на котором можно было бы его защищать.

Первым предпринял решительный шаг профессор В.А. Десницкий, который внимательно следил за успехами Заболоцкого в поэзии и считал его одним из самых талантливых своих учеников в Педагогическом институте. По дореволюционной партийной работе Десницкий лично знал Сталина и теперь решил воспользоваться этим знакомством, чтобы попытаться защитить поэта. Вскоре после объявления приговора он написал письмо, в котором просил вождя разобраться с делом своего бывшего ученика. Он писал, что знает Заболоцкого буквально с первого дня его студенчества, высоко ценит его работу в поэзии и ручается, что автор «Горькой симфонии» не может быть «врагом народа». Письмо начиналось с обращения к Кобе (партийная кличка Сталина) и подписано было партийной кличкой профессора Десницкого — Лопата. Ощутимых последствий оно не имело.

Сам Николай Алексеевич, узнав о постановлении Особого совещания, еще в «Крестах» написал заявление с просьбой пересмотреть приговор. Вскоре после прибытия в дальневосточный лагерь, в первые дни тяжелых общих работ, ему случайно попался обрывок газеты «Правда» от 1 февраля 1939. Сосед по нарам получил посылку, и в ней что-то было завернуто в кусок этой газеты. Бумагу уже пустили на раскурку, когда Николай Алексеевич попросил прочитать сохранившийся текст. Взглянув на листок, он

не поверил своим глазам — в газете был опубликован указ о награждении большой группы писателей. Среди получивших орден Ленина значился поэт Н. Тихонов. А он-то считал, что Тихонов давно арестован и находится в заключении. Раз Николай Семенович на свободе и даже награжден высшим орденом, значит, обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации, якобы им возглавляемой, просто нелепо. И Заболоцкий стал писать заявления наркомму внутренних дел, в Президиум Верховного Совета, верховному прокурору, затем Сталину. Он протестовал против незаконного заключения и требовал пересмотреть его дело и отменить приговор. Заявления полагалось передавать в управление лагерем, оттуда они должны были пересылаться по назначению, о чем заключенный получал соответствующее уведомление. Процедура была длительной и ненадежной. Екатерина Васильевна тоже старалась помочь мужу, но все письма и мужа и жены исчезали где-то в недрах бюрократического аппарата и пользу делу не приносили.

Пытались хлопотать и литературные друзья. В конце апреля 1939 в Уржуме Е.В. Заболоцкая получила письмо от Зошенко, в котором он писал:

«Дорогая Екатерина Васильевна! Пожалуйста, не думайте, что мы позабыли о судьбе Николая Алексеевича. Многие товарищи обещали помочь в этом деле. Лично я написал в Москву письмо с просьбой, если имеется возможность, пересмотреть дело Н.А. либо облегчить его и Вашу участь. Теперь буду ждать ответа. Думаю, что все кончится хорошо. Сердечно желаю успеха Вам и Николаю Алексеевичу.

Мих. Зошенко. 23.IV.39».

Между тем время для жалоб на незаконное осуждение и для ходатайств об отмене приговора было относительно благоприятным. В конце 1938 после невиданного разгула репрессий Сталин решил сделать очередной лицемерный маневр. В ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято постановление, предусматривающее смягчение жестоких методов ведения следствия и кадровые изменения в органах НКВД. После назначения в декабре 1938 нового наркома внутренних дел (Берия) и исчезновения Ежова характер репрессий временно изменился.

Летом 1939 Заболоцкий писал жене: «Говорят, теперь пересматривают многие дела», «Говорят, что жалобы теперь разбирают быстрее», «Дела многих заключенных, имеющих по суду большие сроки, пересматриваются, и приговоры часто отменяются. С нами дело тише. Вероятно, не дошла очередь». 23 июля 1939 Заболоцкий написал большое заявление на имя верховного прокурора СССР и, минуя обычную процедуру направления жалоб, переслал его жене. Екатерина Васильевна получила заявление в Уржуме и поняла, что ей нужно сделать все возможное, чтобы оно дошло до адресата. Она воспользовалась изменившейся ситуацией, послала телеграмму на имя Берия и получила разрешение временно приехать из ссылки в Ленинград для лечения детей. Из Ленинграда она вместе со старым другом Заболоцких литературоведом Н. Степановым отправилась в Москву, чтобы организовать авторитетную поддержку заявлению. В незавершенных своих воспоминаниях Степанов написал:

«Приехали к В. Шкловскому. Он жил тогда еще в Лаврушинском. Шкловский сказал, что надо ехать к Фадееву в Переделкино. Поехали втроем. В то время дача Фадеева еще не была обнесена высоким забором, который построили вскоре после войны, и всякий мог легко пройти к нему. Фадеев принял нас дружелюбно и просто. Выслушав, обещал узнать, ознакомиться с делом. В те годы это было на удивление хорошо — ведь обычно каждый как мог отпихивался, отстранялся от таких дел...».

9 сентября Фадеев встретился с прокурором СССР М. Панкратьевым и передал ему заявление Заболоцкого. Прокурор обещал срочно пересмотреть дело и поручил его своему спецотделу. Временно вернувшейся из ссылки семье разрешили жить в Ленинграде, что позволило Екатерине Васильевне вплотную заняться хлопотами о муже. Об обещании прокурора она сразу же телеграфировала на Дальний Восток. В ответ Николай Алексеевич писал:

«Получил твою телеграмму от 9 числа. Я полон надежд и благодарности — за все твои хлопоты. Твердо верю, что пересмотр дела будет в мою пользу».

И еще:

«Милая Катя, дела некоторых заключенных ушли на пересмотр, некоторые освобождаются. Все это ободряет меня и подкрепляет мою постоянную надежду, что дело дойдет и до меня. Много я пережил за это время, но тем радостнее будет встреча с тобой и нашими милыми детьми».

Из заявления Николая Алексеевича его друзья впервые узнали, в чем конкретно он обвинялся. Поскольку обвинения включали неверное, тенденциозное толкование его стихов, нужно было доказать, что такое толкование ложно. Чтобы подкрепить заявление Заболоцкого в прокуратуру, решили туда же направить литературные характеристики поэта, написанные людьми авторитетными и хорошо знающими его творчество. Несмотря на то что всякое выступление в пользу «врага народа» могло повредить официальной репутации заступника, необходимые бумаги были собраны быстро. В Ленинграде краткие благожелательные характеристики творчества Заболоцкого написали А. Гитович, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Тихонов. Эти документы Заболоцкая и Гитович повезли в Москву, где краткие рецензии написали также П. Антокольский и Н. Асеев. К. Чуковский присоединился к отзыву Зощенко.

Заявление Е. Заболоцкой, характеристики, написанные писателями, а также другие материалы, положительно аттестующие Заболоцкого, в первых числах декабря 1939. К. Чуковский лично передал начальнику спецотдела Прокуратуры СССР.

В результате дело было назначено к пересмотру и направлено на исследование в Ленинградскую областную прокуратуру, где попало к следователю Ручкину. Старший следователь Ленинградской прокуратуры Ручкин добросовестно принялся устанавливать истину. Ни о какой «контрреволюционной организации» никто уже не вспоминал. Основной вопрос, в котором стремился разобраться следователь, заключался в том, каков характер творчества Заболоцкого — советский или антисоветский. По просьбе Ручкина Е. Заболоцкая передала в прокуратуру книжки, публикации мужа и статьи с положительной оценкой его творчества. Следователь объяснил, что в деле имеются материалы, трактующие произведения Заболоцкого как враждебные советскому строю, и даже прочитал Екатерине Васильевне выдержки из «рецензии» Лесючевского, не скрывая, кто ее автор. В качестве свидетелей в прокуратуру были вызваны хорошо знавшие и Заболоцкого, и его творчество писатели Зощенко, Каверин, Гитович, Тихонов, а также вдова поэта Вагинова, секретарь парторганизации Ленинградского союза писателей Г. Мирошниченко, автор доноса Н. Лесючевский и комендант дома на канале Грибоедова А. Котов. Конечно, все друзья Заболоцкого говорили о нем в высшей степени положительно. Ничего плохого не сказал ни Мирошниченко, ни даже Котов. Один Лесючевский упорно стоял на своем и говорил об антисоветском характере творчества Заболоцкого.

В то время шла война с Финляндией, и многие ленинградские писатели служили в армии военными корреспондентами. Жена Гитовича вспоминала, как по вызову прокуратуры ее муж приехал с фронта:

«Саня служил на Балтике и вдруг неожиданно явился домой — веселый, в расстегнутой флотской шинели и ушанке, лихо сбитой на затылок. Еще с порога он возбужденно завопил:

— Ты не можешь вообразить, почему я очутился в Ленинграде! Представь, я только что от следователя, который меня вызывал по делу Заболоцкого. Наконец-то!

<...> Следователь говорил с ним весьма доверительно. «Наверное, потому, что на мне была военная форма», — предполагал он. Тогда же следователь сообщил ему, что заявление на Николая Алексеевича Заболоцкого было написано неким Лесючевским, и, кстати, спросил у Гитовича, знает ли он этого человека и что он может о нем рассказать.

— Я ведь когда-то служил с этим прохвостом в армии, — волнуясь, говорил Саня. — Ну уж я постарался высказать все, что о нем думаю. Ничего не утаил».

Друзьям Гитович с гордостью говорил, что рассказал следователю, как, служа в кавалерии, Лесючевский не любил чистить своего коня и постоянно имел за это замечания от командира. Очевидно, по представлению страстно любившего животных Александра Ильича, этот факт должен был окончательно подорвать всякое доверие и к Лесючевскому, и к написанному им доносу.

По запросу прокуратуры в Ленинградском отделении Союза писателей была создана специальная комиссия для оценки творчества и общественного лица Заболоцкого. Заключение, написанное комиссией, характеризовало Заболоцкого как «подлинно советского писателя, прямого и искреннего человека, заслуживающего уважения всех знавших его».

Ручкин оказался честным и смелым следователем — характеристика Союза писателей, все свидетельские показания, все документы убедили его, что Заболоцкий осужден необоснованно. В январе 1940 следствие было закончено и дело вновь переслано в Москву с благоприятным заключением Ленинградской прокуратуры. В Москве за дальнейшим прохождением дела взялся следить К. Чуковский.

Но не дремал и Лесючевский. Он не мог стерпеть игнорирования следователем Ручкиным его показаний. В апреле 1940 в Верховную прокуратуру поступило письмо-донос Лесючевского, в котором он обвинял Ручкина в необъективности следствия и сокрытии подлинного характера творчества Заболоцкого. Это новое обстоятельство поставило под угрозу благоприятное разрешение дела. Тем не менее в мае стало известно, что прокуратура опротестовала приговор и дело Заболоцкого послано в НКВД для утверждения отмены приговора.

Снова шли месяцы, но теперь уже время работало против Заболоцкого — период, когда Берия, придя к власти, допускал некоторые послабления и либерализм, заканчивался. В июле 1940 рухнули последние надежды. Екатерина Васильевна получила бумагу из Прокуратуры СССР, в которой говорилось:

«На Ваше заявление Прокуратура сообщает, что дело Заболоцкого Николая Алексеевича перепроверено. Установлено, что он осужден правильно и оснований к пересмотру дела нет».

Осенью 1940 Е. Заболоцкая была крайне удивлена, услышав по радио чтение одного из стихотворений заключенного мужа («Седов»). Можно ли всенародно читать стихи поэта, если его всерьез считают врагом народа? Искра надежды снова затеплилась в истомленной душе Екатерины Васильевны. Она пишет новое заявление и, приложив к нему сборник стихотворений «Вторая книга», посылает в Кремль на имя Сталина. 30 ноября 1940 ее вызвали в Ленинградское управление НКВД и сообщили, что просьба удовлетворена: дело будет вновь пересмотрено в Москве. Однако никаких дальнейших действий со стороны НКВД не последовало. Через полгода началась Великая Отечественная война.

Все эти годы, когда жена и друзья вели самоотверженные, но в конечном счете безрезультатные хлопоты, Заболоцкий томился в дальневосточных лагерях ГУЛАГа.

Возвратимся в нашем повествовании к февральским дням 1939. Из очередного эшелона, прибывшего в Комсомольск-на-Амуре, серую массу изможденных, изголодавших за время этапа заключенных и среди них Заболоцкого под конвоем пригнали в городскую пересыльный пункт. Здесь Николай Алексеевич встретил знакомого по свердловской пересыльной тюрьме грозненского юриста Гургена Георгиевича Татосова, с которым ему предстояло почти неразлучно прожить на Дальнем Востоке до 1943, когда судьба раскидает их по разным лагерям. Из пересыльной тюрьмы их направили в поселок Старт, расположенный среди глухой тайги, километрах в сорока от города.

Первое время Заболоцкий и Татосов, работая в паре, валили лес. Нужно было срубить дерево на высоте не более десяти сантиметров, очистить его от сучьев, ствол распилить на бревна определенной длины и сложить их в штабель. Старались работать изо всех сил, но выполнить норму никто из новоприбывших не мог, а не выработаешь норму — погибнешь от голода. Не справившиеся с заданием получали на обед 300 граммов хлеба и черпак жидкой баланды. Для работавших на морозе людей такой паек предвещал скорое истощение и дистрофию. А рядом в пищевом бараке стояли столы для выполнивших норму. Здесь еда была более обильна и доброкачественна — несколько видов каш, достаточное количество хлеба.

Но без навыка к физической работе, без умения обращаться с топором и пилой норму не сделаешь, как ни бейся. В конце рабочего дня прораб на специальной доске

отмечал, кто сколько сделал. И вот в один из дней, когда сил уже оставалось совсем мало (посылок из дома еще не было), произошло чудо: охранник, наблюдавший за работавшими, подошел к учетчику и, указывая на Заболоцкого и Татосова, приказал:

— Этим пиши 120 процентов. Они не могут работать, но очень стараются.

Так благодаря человечности охранника иногда удавалось получать улучшенное питание. Постепенно приходил навык и норма становилась не столь уж недостижимой.

Но далеко не все вохровцы по-человечески относились к заключенным. Однажды уже весной Заболоцкого и Татосова без охраны послали копать ямы для столбов где-то за пределами зоны. Грунт был тяжелый, весенняя вода быстро заполняла вырытую яму, и работать приходилось стоя в холодной воде. Вдруг из соседнего лесочка вышел охранник с овчаркой. То ли работники сели передохнуть, то ли и причины никакой не было, но он дал соответствующую команду, указал на двух заключенных и спустил с поводка собаку. Николай Алексеевич, отшатнувшись от бросившейся на него овчарки, упал в яму с водой. Гурген Георгиевич ударил собаку бывшим в руках ломиком, и та с визгом покатила по земле. Подбежал охранник, на ходу щелкнув затвором винтовки, и закричал на поседевшего в следственной тюрьме Татосова:

— Ты что сделал с собакой, гнида! – не обошлось тут и без увесистой зуботычины.

Лет через десять один знакомый спросил Заболоцкого, тяжело ли ему было в заключении.

— Бывало трудно, – лаконично ответил Николай Алексеевич.

— Ну как трудно? Расскажите.

— А как бывает трудно, когда работаешь до изнеможения, а стоит присесть на минуту, тут же на тебя спускают овчарку?

Заболоцкий нахмурился и перевел разговор на другую тему.

И все-таки после следствия, семи месяцев тюремных мучений, месяца, проведенного в свердловской пересылке, двухмесячного этапа через Сибирь и комсомольской пересылки лесоповал, по крайней мере в первое время, казался даже привлекательным. После душных, вонючих камер и тюремных теплушек таежный воздух был сладостно приятен. Возможность окинуть взглядом сопки, потрогать рукой ствол кедра или лиственницы, увидеть дятла или бурундука давала хотя бы минутную душевную радость. Непосильная работа заглушала душевную боль и нравственные страдания, на время избавляла от притеснений надзирателей и уголовников, приносила забвение ужаса действительности.

Спустя какое-то время заключенных стали водить в каменный карьер. Технология заготовки дробленого камня была несложной, но требовала определенного умения и коллективного усилия. Облегчали добычу взрывные работы. Для их подготовки кому-то нужно было залезать на отвесный обрыв карьера, чтобы наверху вбить колья и закрепить веревки. Приходилось выполнять это опасное дело и Заболоцкому. Однажды он взбирался вверх по скале, всем телом прижимаясь к обрыву и тщательно выбирая еле заметные уступы, куда можно было бы поставить ногу. Вдруг какой-то торчащий из камней корень зацепил дужку очков, и те повисли на одном ухе. Близорукому человеку потеря очков грозила падением со скалы, а внизу были острые камни. Руки были заняты, и, только изгибаясь всем телом, с невероятным усилием удалось вернуть очки на свое место. Задание было благополучно выполнено. По канатам, закрепленным на верху обрыва, взбирались люди и на определенной высоте долбили шпурсы для взрывчатки. После взрыва нужно было разгрести завал раздробленной породы. И здесь Заболоцкий, орудуя кайлом или лопатой, успевал рассматривать оголенные пласты камней и минералов и думать о породивших их геологических катаклизмах.

Чего только не пришлось испытать Николаю Алексеевичу в эти первые месяцы тяжелой физической работы! Один раз на сильном морозе он упал в быструю незамерзающую речку. Одежда, моментально превратившись в ледяной панцирь, сковывала движения, холод сводил тело судорогой. В ледяной одежде вместе с партией заключенных пришлось идти до карьера, и только там удалось обсушиться у большого костра. Как ни

странно, ледяная ванна не вызвала ни малейшей простуды. Постоянное напряжение и чувство опасности мобилизовывали защитные силы организма. К тому же Заболоцкий был достаточно вынослив — сказывались его крестьянская кровь и закалка голодом и физическим трудом в первые годы самостоятельной жизни. Но через два месяца каторжных работ и скудного лагерного питания он, к своему ужасу, понял, что силы на исходе и ему предстоит разделить участь лагерных «доходяг». Заболоцкого спас счастливый случай.

В то время Нижнеамурский лагерь обеспечивал рабочей силой несколько крупных строек, и главными среди них были прокладка участка новой железнодорожной магистрали — довоенного БАМа, строительство железнодорожной линии Комсомольск-на-Амуре – Советская гавань и возведение нефтепровода, соединяющего месторождения Сахалина с нефтеперерабатывающими заводами Комсомольска. Сквозь тайгу требовалось проложить множество подъездных дорог, построить поселки, предприятия, выпускающие строительные материалы. Для возведения всех этих объектов лагерь поставлял черно-рабочих, прорабов, проектировщиков, экономистов, юристов и прочий персонал. Вероятно, увеличившаяся в тех местах потребность в рабочей силе и была причиной того, что Заболоцкий вместо назначенной ему Колымы попал в Комсомольск-на-Амуре. Время от времени среди заключенных искали нужного специалиста. Весной 1939 для работы во вновь созданном проектно бюро при строительном управлении потребовались инженерно-технические работники, в том числе чертежники.

Когда перед строем заключенных объявили, что требуется чертежник, Заболоцкий мгновенно понял, что у него появилась чудесная возможность избавиться от убийственной работы в карьере. Когда-то в уржумском реальном училище он хорошо рисовал и чертил, всегда имел склонность к графике и теперь решил рискнуть. Он сделал шаг вперед и уверенно сказал: «Я — чертежник». Проверить сразу его способности было невозможно, так как руки его были распухшими и израненными. Держать рейсфедер или циркуль он не мог. Пока руки отходили, Николай Алексеевич освоил специальность чертежника. Помогли добрые люди. Служащие проектного бюро понимали, что их новый товарищ не очень сведущ в чертежном деле, но не выдавали его и всячески помогали овладеть новой профессией. В первые дни, когда руки еще не слушались, а вши падали с одежды на кальку, его взяла под свое покровительство одна вольнонаемная чертежница, показавшая ему различные приемы копирования. К осени Заболоцкий писал домой: «Чертить я стал значительно лучше; я люблю это дело и охотно занимаюсь им». А уже летом 1940 сообщал: «...через год я мог бы уже стать техником и выполнять несложные самостоятельные проектировочные работы. Нужно только повторить математику и почитать кое-что по строительному делу. А у меня на это буквально не остается времени, так как все оно занято работой».

Вскоре в проектное бюро подсобником был переведен и Татосов. Он вспоминал потом: «Жили относительно спокойно. Говорю относительно, потому что нередко нас будили ночью и отправляли грузить в вагоны камень».

С наступлением весны особенно сильно затосковал Заболоцкий о семье и литературной работе. Когда приходилось бывать на временных теперь авральных работах в тайге, с грустью наблюдал Заболоцкий пробуждение природы — птиц и животных, бегущие ручьи, распускающиеся почки деревьев... Вечерами в кустах у речки пел соловей. И неожиданно в сознании Николая Алексеевича стали слагаться строки стихотворения, которое потом он назвал «Соловей». Записать его он не решился, никому не читал: про себя отшлифовывал строфы и бесконечно повторял их, чтобы запомнить и когда-нибудь перенести на бумагу. Знал он, что писать стихи в лагере запрещено, что о призвании своем нужно пока забыть, но побороть «неуместное» вдохновение не мог: подобно соловью, он ощущал себя «пригвожденным к искусству».

В неволе Николай Алексеевич создал два стихотворения — «Соловей» и «Лесное озеро». Когда же было сочинено так высоко ценимое самим автором «Лесное озеро»?

Задумано оно было еще летом 1937 на даче в Луге во время прогулки на Глухое озеро. Писать его Заболоцкий начал в Доме творчества в Елизаветине. После ареста поэта там был найден автограф варианта первых двух строк. Целиком же оно было записано, как и «Соловей», только в 1944. Приходится сделать почти невероятное предположение: «Лесное озеро» было сложено либо в ленинградской тюрьме, либо во время этапа на Дальний Восток. Ведь автор пометил его 1938 годом.

Тянулись бесконечные, однообразные дни. Прошло лето, суровая зима сменилась холодной весной, затем наступило дождливое лето. Ни в работе, ни в быте заключенных, прикрепленных к проектному бюро, ничего не менялось до ноября 1940. Барак — жилье, барак — контора, колючая проволока, сторожевые вышки, вокруг — бараки лагеря, в стороне — маленький поселок для работников охраны и вольнонаемных, дальше — глухая бесконечная тайга. 10–12 часов в сутки, а часто и сверхурочно — чертежная доска, в немногие часы, оставшиеся от работы, сна и еды, — мелкие бытовые заботы, горькие думы о семье и воле, разговоры с соседями, иногда дозволенные развлечения — коллективное пение или игра в городки около барака. Радость приносили письма и посылки от жены, изредка удавалось прочитать случайную книжку. И все еще не покидала надежда на пересмотр дела, на реабилитацию, на досрочное освобождение, на скорое возвращение к литературе, к семье. То были месяцы, отупляющие своим однообразием, месяцы угасающей надежды. Но когда приходилось выходить в тайгу, Заболоцкий в который раз благодарил судьбу за то, что он оказался в проектном бюро. Он понимал, что его жизнь зависит от многих случайностей и что по капризу начальства его в любой момент могут снова отправить на общие работы. Так однажды и произошло, но после двух недель лесоповала его все же вернули в проектное бюро. Заболоцкого спасало уважение товарищей-инженеров и усердие, с которым он делал чертежи.

В последних числах октября 1940 девятнадцати обитателям отдельного барака было приказано приготовиться к переезду. Проектно-сметный отдел, прикрепленный теперь непосредственно к управлению лагеря, был переведен в город Комсомольск-на-Амуре.

Не тогда ли произошла история, о которой не раз вспоминал Заболоцкий и которая, несмотря на внешнюю безобидность, как кошмар мучила его? Надзиратель выстроил заключенных в ожидании смотра начальником лагеря. И вот он появился — решительный, жестокий, но «культурный». Он уже знал, что у него отбывает срок заключения поэт Заболоцкий, запомнил его в лицо и зла ему не желал. Он подошел к строю и, будучи в благодушном настроении, спросил у надзирателя:

— Ну что, как там у тебя Заболоцкий? Стихи не пишет?

— Заключенный Заболоцкий замечаний по работе и в быту не имеет, — отрапортовал надзиратель и, усмехнувшись, добавил: — Говорит, стихов больше никогда писать не будет.

— Ну то-то...

Вскоре после перевода в Комсомольск, в конце ноября 1940, Заболоцкого временно передали в распоряжение В. Ажаева, в прошлом заключенного, в то время — вольнонаемного, в будущем известного писателя, автора романа «Далеко от Москвы». Группа заключенных под руководством Ажаева около двух месяцев занималась оформлением общелагерного клуба, и все это время их кормили в столовой для вольнонаемных. «Если бы ты знала, как это вкусно после двух лет лагерного питания!» — писал поэт жене.

1 января 1941 Николай Алексеевич вернулся с работы в клубе в 7 часов утра. В Москве в это время только еще встречали Новый год — по радио были слышны тосты и звон новогодних бокалов. И тут в барак принесли почту, и в ней оказалась посланная Н. Степановым бандероль с двухтомником Пушкина. Заболоцкий благодарно восклицает в письме:

«Повеяло таким теплом дружбы и участия. Спасибо. Так с Пушкиным я и встретил мой Новый год...»

В начале апреля 1941 пришла бандероль из Ленинграда с пятью книгами поэтов XIX в. — дар И. Томашевской и Н. Степанова. При очередном обыске четыре книжки

у Заболоцкого отобрали — сказали, что в воспитательных целях читать разрешается только произведения советских писателей. Николаю Алексеевичу очень хотелось сохранить стихи горячо любимого им Баратынского. Он указал надзирателю на название издательства «Советский писатель», и Баратынский сошел за советского поэта. Книжку разрешили оставить. Жене он писал:

«Спасибо за милое письмо и книги. Книжечка Баратынского доставляет мне много радости. Перед сном и в перерывы я успеваю прочесть несколько стихотворений и ношу эту книжечку всегда с собой».

В однообразной чертежной работе и в безутешных раздумьях о своей участи прошли восемь месяцев жизни в Комсомольске-на-Амуре. А всего в заключении Заболоцкий провел уже более трех лет.

Наступил роковой день — 22 июня 1941. В бараках прошел слух, что в случае вторжения японских войск на советский Дальний Восток все заключенные будут уничтожены. В лагере с тревогой ждали резких изменений в режиме и работе.

На третий день после начала войны Заболоцкий уже знал, что всех заключенных проектного отдела переводят на самые тяжелые работы в тайге. Он подал заявление с просьбой отправить его, обученного командира взвода, на фронт, но оперуполномоченный, хмуро взглянув в бумагу, проворчал: «У Советской страны достаточно более достойных защитников. Без вас обойдемся».

Сборы в Заамурье были спешными, но Николай Алексеевич успел написать короткое прощальное письмо жене. Заключенных с вещами распределили по баржам для переправы через Амур в Пивань. Возглавлял проектно-сметный отдел вольнонаемный Воронцов, человек, отнюдь не сочувствовавший «контрикам», но понимавший, что порученное ему дело невозможно выполнить без заключенных специалистов. Возможно, он что-то знал о черных замыслах начальства и подозревал, что после переправы может остаться без работников. Приехав на пристань, ринулся он к строю заключенных и с дикой руганью за шиворот стал вытаскивать своих сотрудников и толкать их в отдельную группу. Втащил туда и Заболоцкого. Начальство и охрана не стали противодействовать этому решительному и властному человеку.

Этап погрузили на баржи и, несмотря на штормовую погоду — сильный ветер и большие волны, начали переправлять через Амур. Баржа с партией, из которой Воронцов вытащил своих работников, утонула вместе со всеми заключенными. Заболоцкий был уверен, что ее потопили специально, и считал, что он, как и весь отдел, обязан Воронцову жизнью. Это хладнокровное, жестокое уничтожение людей Николай Алексеевич помнил до конца своих дней.

В результате усилий Воронцова все сотрудники проектно-сметного отдела, а было их в то время 25 человек, оказались в одной группе. Переправляясь через Амур, они напряженно ждали заранее организованной аварии, но все обошлось благополучно. В Пиване их посадили на грузовики и повезли на восток, в тайгу, к предгорьям Сихотэ-Алиня.

Кругом простиралась бесконечная тайга, среди которой то и дело попадались опустевшие лагерные зоны, окруженные колючей проволокой, с неизменными сторожевыми вышками. Прибыли наконец в место назначения под названием Лысая гора на красивейшей таежной реке Хунгари (правый приток Амура). Но не до любования красотами природы было заключенным. Вновь их ждала зона с уголовниками, вновь — длинные грязные бараки с общими нарами, вновь — строгий режим и тяжелая физическая работа. Отвыкли они уже от всего этого в своем проектном бюро и особенно за время жизни в Комсомольске. Таких ужасных условий, как в зоне на Хунгари, не было, пожалуй, и в худшую пору общих работ в поселке Старт.

На Лысой горе заключенные строили железную дорогу по направлению к Советской гавани. Для прокладки полотна дороги в скале нужно было вырубить так называемую полку. Кроме того, требовался щебень и другой строительной камень. Работали по четыре человека — двое ломом и киркой дробили камень, один грузил в тачку, один отвозил

тачку с камнем к обрыву и высыпал камень под откос. Количество тачек контролировалось учетчиком.

В одном из писем к автору этих строк Татосов вспоминал:

«Это было, когда мы работали на реке Хунгари. Время для нас было тяжелое: ели плохо, работали световой день. И был суровый и неразумный закон держать людей, не выполнивших норму, до тех пор, пока она не будет выполнена. Среди нас были старые люди, кроме пера, в руках никогда ничего не державшие, и закон этот, естественно, обрушивался на них. Сколько бы их ни держали, нормы они выполнить не могли; и тогда мы все сговорились, чтобы остаться со стариками и за них доделывать работу. Мы все — это наша группа человек 12. Охрана пошла на это с удовольствием, так как ей тоже не хотелось торчать всю ночь в карьере, и делала нам скидку на норму. Первым о помощи несчастным людям заговорил Николай Алексеевич, и мы приняли его предложение, так как нельзя было оставить людей на гибель. <...> Николай Алексеевич не мог равнодушно смотреть, когда обижали людей и без того обиженных, и всегда остро и болезненно переживал все несправедливости к людям, а их было немало».

В тайге — гнус, комары, мухи. На пути от зоны до карьера — издевательства охранников. Ходили строем в сопровождении вооруженных стрелков с собаками. По дороге встречалась огромная невысыхающая лужа. Когда вся колонна оказывалась в луже, звучала команда: «Стой! Ложись!» Ложились в грязную холодную воду. «Встать! Лечь! Встать!» — и так до тех пор, пока конвоиры не насладятся своей властью. Иногда из колонны раздавался выкрик: «У гестапо научились!» — «Кто сказал?» — угрожающий звук затвора винтовки.

Кормили в то время совсем плохо: 300 граммов хлеба и разрезанная на крупные части тыква, варенная в воде. Нередко в таком «супе» плавали черви. Перевыполнившим норму дополнительно давали 100 граммов хлеба и, кажется, кашу.

Однажды из лагеря на Хунгари бежали два уголовника-рецидивиста. Они заготовили на дорогу сухарей, кое-какие продукты, похитили лагерного фельдшера, чтобы тот нес их вещи. Когда после многих дней блуждания по тайге продукты кончились, фельдшера убили и съели. Беглецов в конце концов поймали и расстреляли на глазах всего лагеря.

На Хунгари работали около двух месяцев и за это время совсем измучились, отошались и обносились. Режим содержания заключенных явно был рассчитан на их уничтожение. Переписка с семьей прекратилась, всякие надежды на освобождение исчезли. Заболоцкий вновь подал заявление с просьбой отправить его на фронт и вновь получил отказ. К счастью, где-то в верхах решено было ускорить строительство нефтепровода, а для этого необходимо было восстановить проектный отдел. Вспомнили об инженерно-технических работниках и приказали перебросить их ближе к Комсомольску. Заболоцкому и его товарищам предстоял пеший 120-километровый переход через тайгу на так называемую Лесную биржу.

Обычное предупреждение охраны: «Шаг в сторону — открываем огонь!», и колонна двинулась по лесной тропе. Марш был очень трудным. Скоро идти стало невмочь, и заключенным пришлось бросить свои вещи — нести их не было сил.

Прибыли на Лесную биржу, поселились в общем бараке, и всех послали на лесоповал, на погрузку бревен. Осенний холод, вода по колено, и голод, и нет курева, и нет сил...

На Лесной бирже вновь образовалось проектное бюро, и это принесло облегчение. Но жили по-прежнему вместе с уголовниками, питались крайне плохо, часто по авралу выходили на общие работы — валили лес, грузили его в вагоны. Голод усиливался. Заключенные поели всех кошек и собак, были случаи людоедства. Многие, возвратясь в зону с работы, бросались к выгребным ямам у барака-столовой и рылись там в надежде найти что-нибудь съестное. Даже среди работников проектного бюро возникали ссоры из-за лучшего куска, из-за очередности на горбушку хлеба.

Так на Лесной бирже прошло еще около двух месяцев. С начала войны Заболоцкий лишился возможности переписываться с семьей, до него доходили лишь отрывочные сведения о положении на фронте, о начавшейся осаде Ленинграда. Тревога за семью отягощала и без того тяжелое его положение.

В ноябре 1941 г. проектный отдел перевели с Лесной биржи в уже знакомое место — в таежный поселок Старт. И сквозь кольцо блокады Ленинграда чудом прорывается открытка Заболоцкого от 14 ноября 1941:

«Милая Катя, я здоров и на старой работе. <...> Жду твоего письма. Последнее было от 5 июля <...>».

В самое трудное, жестокое время, в рождественский день 7 января 1942, опухшая и обессиленная от голода Екатерина Васильевна увидела эту открытку в почтовом ящике ленинградской квартиры. Как же весть от мужа обрадовала и поддержала ее и детей! Через месяц семья Заболоцкого эвакуировалась из блокадного города по ледовой Дороге жизни через Ладожское озеро и попала в специальный медицинский стационар при ткацком льнокомбинате в Костроме. Там в течение месяца страдающих дистрофией ленинградцев лечили и постепенно вводили в нормальный режим питания и человеческой жизни.

Из Костромы Екатерина Васильевна послала мужу телеграмму, в которой сообщила, что она и дети живы и что они едут в Уржум.

В ответ Заболоцкий написал о себе:

«Все время уходит на работу. Но я сыт, одет, обут и живу сносно».

Хотя, конечно же, голодал тогда и мерз в плохой одежде.

Зимой 1941–1942 года Заболоцкий не раз попадал на заготовку леса и другие работы в тайге, правда, эти авралы, по-видимому, длились недолго: строительству требовалась продукция проектного отдела. Соприкасаясь с людьми, погибавшими от непосильного, каторжного труда, он в который раз благодарил судьбу, приведшую его в «теплое местечко». Р. Медведев в своей работе «О Сталине и сталинизме» пишет о лагерях:

«С началом Отечественной войны рабочий день почти везде был увеличен, а голодный и без того паек еще более урезан <...>. Общее число заключенных в 1941–1942 гг., по моим подсчетам, примерно можно сравнить с числом бойцов действующей армии. И потери людей в это время на Востоке и на Западе были примерно равны».

В одну из мобилизаций на общие работы в тайгу Заболоцкий с товарищами оказался там, куда свозили и где потом сжигали погибших заключенных. Был морозный зимний день, и Николай Алексеевич некоторое время смотрел на груды трупов, запорошенных снегом. То там, то здесь из-под снега торчала замерзшая, скрюченная рука или нога. Видно, эта картина глубоко врезалась в его память, если он в последний год своей жизни вспомнил о ней, когда писал о давних странствиях по Сибири французского монаха Рубрука:

Еще на выжженных полянах,
Вблизи низинных родников
Виднелись груды трупов странных
Из-под сугробов и снегов.

Рубрук слезал с коня и часто
Рассматривал издалека,
Как, скрючив пальцы, из-под наста
Торчала мертвая рука.

Неоднократно вспоминал Татосов о таком случае:

«Более всего жалею, что у меня украли на раскурку лист бумаги, где был рисунок Николая Алексеевича и его стихи — 16 чеканных строк... Я оказался обладателем 25 пачек махорки, которая ценилась на вес золота. Как-то, когда я собирался лечь спать и откинул одеяло, увидел, что к подушке был прищиплен лист, на котором был изображен я огромного роста с нимбом вокруг головы, а внизу у моих ног на коленях стоял маленький Николай Алексеевич, простирая ко мне руки. Сверху был заголовок “Моление о махорке”. Я был приравнен ко всем скупцам мира, наиболее порядочным из которых был Гарпагон, и мне категорически предлагалось выдать махорку. Стихи были великолепными, рисунок тоже, и я до сих пор не могу забыть об этой потере».

Вскоре после обоснования близ поселка Старт Заболоцкий стал изучать армянский язык. Он считал полезным знание языка, возможно, уже тогда предполагал, что после

освобождения ему придется зарабатывать на жизнь переводами, а владение армянским позволило бы ему без подстрочника переводить армянскую поэзию. Николай Алексеевич сделал себе книжечку из бумаги от каких-то ведомостей, оклеил ее миллиметровой и тушью аккуратно написал: «Армянский язык. Словарь Л1942». В книжечке был начертан армянский алфавит и в определенном порядке записаны армянские слова и их русский перевод. Характерны выделенные разделы: 1) человек, 2) дом, 3) природа, 4) деревня, 5) город, 6) ощущения, чувства, дух, деятельность, 7) жизнь – смерть, 8) время – пространство... На отдельных листочках записаны понравившиеся Заболоцкому и близкие ему по настроению армянские песни или стихотворения с русским подстрочным переводом.

Работа в проектно бюро кончалась поздно, но перед сном Заболоцкий и Татосов успевали провести очередной урок. Занятия пошли настолько успешно, что скоро Николай Алексеевич уже обменивался с двумя товарищами-армянами довольно сложными армянскими фразами.

Вспоминая о тех днях лагерной жизни, Татосов писал:

«Стремление к интеллектуальной жизни постоянно было внутри Николая Алексеевича. Это сказывалось во всем — и в его заинтересованности знаниями окружающих его людей, в желании постичь эти знания, в изучении природы, нас окружающей. А самым главным было — не потерять своего лица, не скатиться вниз, не стать животным... Ни грязная ругань, ни жуткие ссоры и драки из-за пустяков, ни тяжелая работа, ни пренебрежительное и презрительное отношение к нам — ничто не изменило Николая Алексеевича, он оставался таким же чистым, мягким, добрым... Он для меня был примером, всегда успокаивал меня и говорил: только не опуститься, не потерять своего сокровенного».

Действительно, в Заболоцком всегда совершалась какая-то внутренняя работа, как будто и не связанная с тем, что происходило вокруг него. Такая душевная независимость помогала противостоять всем трудностям и унижениям, которых было немало. Один из его товарищей по заключению, инженер И. Сусанин, рассказал, как однажды, во время выхода на авральные работы стояли на сопке Заболоцкий, Татосов и инженер Н. Державин. Николай Алексеевич сорвал большой красный цветок, некоторое время рассматривал его, а потом сказал: «Станем мы после смерти такими вот цветами и будем жить совсем другой, непонятной нам сейчас жизнью». Эти слова звучали так глубокомысленно, уверенно и убедительно, что слушатели восприняли их как некое важное откровение и запомнили. Державин рассказал о них Сусанину, и тот тоже не забыл их до конца жизни. Пройдет несколько лет после того разговора о цветке, и Заболоцкий напишет в известном стихотворении «Завещание»:

Я не умру, мой друг.
Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.

Всю зиму и лето 1942 проектно-сметный отдел находился в зоне близости от поселка Старт. В конце октября 1942 он снова был переведен в Комсомольск-на-Амуре. Так завершился цикл странствий, начавшихся в памятные дни июня 1941: Комсомольск — Лысая гора на Хунгари — Лесная биржа — тайга в районе поселка Старт — Комсомольск.

В городской колонне Заболоцкий провел зиму 1942–1943. Работал по-прежнему чертежником, жил терпимо, хотя и в худших условиях, чем здесь же накануне войны.

В мае 1943 лагерь с Дальнего Востока перевели в Алтайский край и назвали Алтайлагом. Перемена места для заключенного — всегда испытание, всегда неизвестность, всегда тревога о будущем. Заболоцкий попал в Кулундинскую степь близ села Михайловское. Какое-то время заключенные здесь жили не в бараках, а в землянках. Большая их часть стала работать на строительстве железнодорожной ветки от станции Кулунда до содового завода с красивым названием «Малиновое озеро». Заболоцкого определили чернорабочим на этот завод.

Каждый день в сопровождении конвоя группа заключенных проделывала восьмикилометровый путь через степь, сосновый лесок и болотце — к заводу на озере. Здесь под

палящими лучами уже летнего солнца по колено в насыщенном растворе углекислого натрия вычерпывал Заболоцкий содовую жижу. Многое уже он испытал в лагерях — и карьеры, и лесоповал, и земляные работы, и голод, и морозы, но до сих пор его здоровый организм со всем этим справлялся, а тут подвело сердце. Не склонный жаловаться, Николай Алексеевич все же написал жене из Алтайского края:

«В начале лета мне было чрезвычайно трудно».

На содовом заводе Заболоцкий выдержал месяца два, после которых его пришлось отправить в лазарет. Перечитывая в 1956 свои старые лагерные письма к жене, он сделал пометку:

«Тогда, после летних работ на содовых озерах, врач находил у меня декомпенсацию. Я весь распух и болел долгое время».

Врач лазарета, жена инженера Архангельского, рассказывала потом, что она старалась как можно дольше продержать в лазарете истощенного, обессиленного и опухшего Заболоцкого, исцеляя его в основном отдыхом и больничным питанием. Ее муж способствовал определению еще слабого Николая Алексеевича на чертежную работу в управление Алтайлага. Снова умение делать технические чертежи спасло Заболоцкого от непосильного физического труда, а возможно, и гибели.

В Алтайском крае Николай Алексеевич стал получать письма от Н. Степанова, который эвакуировался из Ленинграда и жил в то время с семьей в г. Молотове (Перми). В первом же письме Степанов сообщил о кончине Д. Хармса и А. Введенского, не касаясь причины их смерти. Только после освобождения Николай Алексеевич узнает, что в августе 1941 Хармс был арестован и в феврале 1942 умер в заключении. Тогда же, в начале войны, в Харькове был арестован и вскоре погиб Введенский. В лагерной землянке Заболоцкий мысленно простился со своими друзьями литературной молодости.

В конце 1943 семья Степановых переехала из Молотова в Москву, и здесь Николай Леонидович снова попытался помочь своему другу. В набросках воспоминаний он писал:

«Когда я по приезде в Москву в 1943 г. встретился в Союзе писателей с Фадеевым и напомнил ему и наши посещения в 1939 г., и его обещание помочь, он сказал, что тогда же ознакомился с “делом” Николая Алексеевича и из этого “дела” видно, что он ни в чем не виноват, и вновь обещал начать хлопоты о его освобождении. Я составил новое ходатайство, которое подписали на этот раз И. Эренбург, С. Маршак, К. Чуковский, В. Шкловский, и передал его Фадееву».

Возможно, благодаря этому ходатайству в начале января 1944 Заболоцкому была устроена встреча с каким-то московским начальством, прибывшим в поселок Благовещенку недалеко от Кулунды. 10–11 января Николай Алексеевич был уже снова в Михайловском и приступил к чертежной работе. Можно полагать, что именно встреча с начальством побудила его вновь написать подробное заявление в Особое совещание НКВД с просьбой о пересмотре дела и освобождении.

Весной 1944 Николай Алексеевич читал грустные строки очередного письма жены:

«Дорогой мой, милый Коля! Близится день твоего рождения. Боже мой, седьмой год уходит из жизни. И где след, оставленный этими годами? В нашем сердце, а жизнь так и прошла мимо.

Вчера пришло письмо от Степанова. Он что-то хлопочет там, но я больше не могу, да и не знаю, что нужно предпринимать. Ты заявление написал, надо будет — пересмотрят. Фадеев еще раз сказал, что ты невиновен, он видел дело. Председатель Союза (писателей) сейчас Тихонов.

На день твоего рождения я желаю тебе дожить до старости тихой, уютной. Молодости больше нет, ее не вернешь. Годы зрелой жизни исковерканы, задавлены. Дети у нас подрастают. Может быть, в них мы увидим то, что упустили в своей жизни. Сейчас, за тяжестью жизни, я и их не вижу. Видишь, я даже не могу в Никите поддерживать интерес к переписке с тобой. Он не знает, что тебе писать. Я должна бы его направлять. А я куда не гожусь...».

Заболоцкий уже что-то знал о возможности своего скорого освобождения и постарался ободрить жену, написав ей слова, полные сострадания, оптимизма и надежды.

И вот 18 августа 1944, через шесть лет и пять месяцев после ареста, по ходатайству управления Алтайского лагеря Особым совещанием в Москве Заболоцкий был освобожден.

ден из заключения, но оставлен в системе лагеря без права выбора работы и свободного передвижения по стране. С разрешения начальства он мог выписать семью, но Николай Алексеевич считал, что жене и детям лучше было бы приехать сразу на новое место, куда в скором времени должен был перебазироваться лагерь. Екатерина Васильевна же не могла больше выносить разлуку и, вопреки всяким разумным доводам мужа, рвалась к нему. 17 ноября 1944 произошла их долгожданная встреча. В станционном домике среди Кулундинских степей недавно выпущенный из-за колючей проволоки Заболоцкий увидел наконец свою жену и детей. Почти семь лет разлуки и тяжелых испытаний остались позади.

В Кулундинской степи Заболоцкие прожили около четырех месяцев. К этому времени строительство железнодорожной ветки и реконструкция содового завода были закончены, а в марте 1945 лагерь со всеми заключенными, «директивниками» и вольнонаемными был переведен из Алтайского края в Караганду.

Приводим в сокращении характерный документ, явившийся результатом обещанного Е. Заболоцкой нового «пересмотра» дела мужа после ее обращения к Сталину осенью 1940 (хранится в деле Заболоцкого).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по арх. следделу № 43838 — 1938 г.

Город Ленинград, 5 мая 1941 г.

Я, Пом. Нач. след. части УНКГБ по г. Ленинграду лейтенант Государственной Безопасности ГОЛОВАНОВ, на основании приказа НКВД СССР № 0165–40 г., рассмотрев жалобу осужденного ЗАБОЛОЦКОГО Н.А. и проверив материалы арх. следдела № 43838–38 г., по которому постановлением Особого Совещания НКВД СССР от 2/IX—38 г. осужден к 5 г. ИТЛ <...>

НАШЕЛ:

ЗАБОЛОЦКИЙ Н.А. арестован 19/III–38 г. б. IV Отд. Управления НКВД ЛО как участник контрреволюционной организации правых, существовавшей среди писателей г. Ленинграда. Кроме того, ЗАБОЛОЦКИЙ являлся автором ряда явно антисоветских произведений, использованных участниками контрреволюционной организации в своих враждебных целях.

В доказательство обвинения приняты показания осужденных за контрреволюционную деятельность ЛИВШИЦА и ТАГЕР, которые, называя ЗАБОЛОЦКОГО как соучастника контрреволюционной группировки, приводят ряд фактов его антисоветской деятельности, в том числе и в области литературы.

ЗАБОЛОЦКИЙ Н.А. на предварительном следствии виновным себя не признал.

Допрошенный в качестве свидетеля литературный критик ЛЕСЮЧЕВСКИЙ такие произведения ЗАБОЛОЦКОГО, как «ТОРЖЕСТВО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ», книга стихов «СТОЛБЦЫ» и др., характеризует как контрреволюционные, выражающие борьбу ЗАБОЛОЦКОГО против советской действительности

Дело ЗАБОЛОЦКОГО Н.А. после проведенной дополнительной проверки по линии Леноблпрокуратуры было доложено прокурору Союза ССР, который ходатайство ЗАБОЛОЦКОГО и представление прокурора Лен. Области о пересмотре дела ЗАБОЛОЦКОГО оставил без удовлетворения.

Из имеющихся в Управлении НКГБ по г. Ленинграду материалов устанавливается следующее:

1. ЗАБОЛОЦКИЙ имел тесную связь с ЛИВШИЦ и ТАГЕР, которые изобличают его в принадлежности к контрреволюционной группировке, таким образом утверждения ЗАБОЛОЦКОГО в его жалобах о том, что с ЛИВШИЦ и ТАГЕР он был знаком поверхностно — опровергаются.

2. ЗАБОЛОЦКИЙ совместно с ТАГЕР (до ареста последней) оказывал активную поддержку семьям репрессированных за контрреволюционные преступления.

3. Арестованная в 1940 г. за проведение антисоветской агитации б. работник Детгиздата ПАПЕРНАЯ Э. С. еще в 1937 г. в кругу работников заявляла, что ЗАБОЛОЦКИЙ неискренний советский литератор. Его отдельные статьи в газетах есть не что иное, как издевательство и маскировка, что свои статьи ЗАБОЛОЦКИЙ обсуждает совместно с ОЛЕЙНИКОВЫМ, придавая им «надлежащую» форму (ОЛЕЙНИКОВ осужден к ВМН).

В силу изложенного и не находя оснований для пересмотра дела ЗАБОЛОЦКОГО, ПОЛАГАЛ БЫ:

1. Ходатайство ЗАБОЛОЦКОГО Николая Алексеевича о пересмотре решения Особого Совещания НКВД СССР оставить без удовлетворения.

<...>

<Подпись>